

Г.Л. КЕРТМАН

**ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО ПО-РОССИЙСКИ:
МОДЕЛИ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ
И ПРЕДПОЧТЕНИЯ ГРАЖДАН***

Институциональный дизайн российской политики и, в частности, избирательное законодательство, как известно, не отличаются постоянством. Благодаря его неоднократным изменениям, а также различиям в механизмах формирования федеральных, региональных и муниципальных представительных органов наши сограждане в известной мере знакомы и с мажоритарной, и с пропорциональной, и со смешанной избирательными системами и могут судить об их достоинствах и недостатках на основе накопленного опыта. Вместе с тем, поскольку мажоритарная и пропорциональная системы реализуют принципиально различные модели политического представительства, отношение к ним, безусловно, во многом определяется и тем, насколько каждая из этих моделей релевантна установкам, доминирующим в политической культуре [Ezrow, 2010]. Поэтому выявление предпочтений россиян в этой сфере позволяет не только оценить меру легитимации того или иного варианта избирательной системы, но и частично реконструировать «обыденные концепции» представительства, бытующие в массовом сознании.

* Выполнено при поддержке РГНФ, исследовательский проект «Массовая политика в России: институциональные основания мобилизации, представительства, участия и действия», 13-03-00338.

Мажоритарная, пропорциональная или смешанная?

Согласно данным ФОМ, в сентябре 2004 г., вскоре после трагедии в Беслане, когда в публичном пространстве только появилась информация о предстоявшей реформе механизма комплектования Государственной думы (две трети участников опроса – 66% – на тот момент о предложении перейти от смешанной системы к пропорциональной вообще ничего не слышали), лишь 11% респондентов заявили, что положительно «отнеслись бы к отмене выборов по территориальным округам и избранию всех депутатов по спискам партий», тогда как втрое больше, 31%, – что отнеслись бы к этому отрицательно [Выборы в Госдуму, 2004] (прочие сказали, что им это безразлично, или затруднились с ответом). А спустя более восьми лет, в 2013 г., когда зашла речь о возврате к прежней системе, только 13% опрошенных высказались против, тогда как втрое больше, 37% респондентов, одобрили предложение «вернуть смешанную систему выборов в Госдуму – избирать депутатов и по спискам партий, и от территориальных округов» (половина опрошенных с ответом затруднились) [О системе выборов в Госдуму: Зачем нужны партии, 2013]. Как видим, распределение мнений за этот период, вместивший в себя парламентские выборы 2007 и 2011 гг., практически не изменилось, что косвенно указывает на наличие у значительной части граждан достаточно устойчивых – не ситуационных, а мировоззренческих – мотивов поддерживать ту или иную модель выборов.

Прежде чем рассматривать эти мотивы – а участников опроса 2004 г., занявших ту или иную позицию, попросили аргументировать свою точку зрения, – сделаем необходимую оговорку. Больше половины опрошенных (и половина – в 2013 г.) не поддержали и не осудили изменения в избирательной системе, и ничего удивительного в этом, разумеется, нет. Проблематика политического устройства в принципе не относится к числу привлекающих всеобщее внимание и вызывающих острые дискуссии у наших сограждан [см.: Граждане и политические практики, 2011]. Отстраненное отношение, безразличие или как минимум слабый интерес к «правилам игры» в сфере политики и государственного управления вообще органичны для отечественной политической культуры и обусловлены в конечном итоге традиционным для нее патерналистским восприятием «политики» как сферы действия и зоны от-

ветственности власти, противостоящей населению как объекту покровительства [см.: Гражданское и политическое в российских общественных практиках, 2013]. Знания о конституционном устройстве, известной автономии ветвей и уровней власти, балансе полномочий, законодательной регламентации деятельности различных государственных и политических институтов, избирательном законодательстве и т.д. «противопоказаны» патерналистскому дискурсу, так как подобная информация вступает в противоречие с упомянутой бинарной оппозицией, основанной на презумпции о монолитности и монопольной субъектности власти, и ведет к «догадке» о народном суверенитете. Политическая некомпетентность является необходимой предпосылкой самосохранения и воспроизводства этого дискурса, и патерналистское политическое сознание защищается от эрозии, отторгая сведения об устройстве власти и политики и продуцируя безразличие к «правилам игры» в этих сферах в качестве социальной нормы [Кертман, 2007].

И если тем не менее почти половина опрошенных в 2004 г. и половина – в 2013 г. заняли определенные позиции относительно изменения избирательной системы, то это – свидетельство значимости данного вопроса для граждан. Кстати, среди респондентов с высшим образованием, «по определению» несколько более компетентных в подобных сюжетах, в 2004 г. против отмены выборов по территориальным округам высказались 43% (за – 11%), а в 2013 г. за возвращение таких выборов – 44% (против – 15%).

И еще одно предварительное соображение: аргументация сторонников и противников отмены выборов по территориальным округам в 2004 г. опирается на интерпретационные схемы, не чуждые, несомненно, и многим из тех, кто не поддержал и не осудил это решение (на момент опроса – предложение). В массовом сознании присутствует определенный репертуар доводов в пользу территориального и пропорционального принципов, и респондент, не берущийся оценивать реформу избирательной системы или даже заявляющий о безразличии к ней, вполне может в то же время признавать некоторые из этих доводов резонными, убедительными – пусть и не настолько, чтобы занять соответствующую позицию.

В поддержку перехода к чисто пропорциональной системе высказались, напомним, 11% опрошенных, и большинство из них (7% участников опроса) так или иначе обосновали свой выбор. Чаще всего респонденты говорили об ответственности депутатов

перед партиями: *«когда человек от партии, у него больше ответственности»*; *«партия сможет спросить»*; *«пусть отвечают за свою работу»*; *«будем знать конкретного человека, который отвечает перед руководством»*. Кроме того, некоторые утверждали, что партии не допустят в Думу «случайных» людей, гарантируют лучший состав депутатского корпуса: *«по спискам партий – люди более проверенные»*; *«партии выберут лучших людей»*; *«члены партий знают деловые качества друг друга»*; *«меньше случайных людей будет в Думе»*. Еще один относительно распространенный довод состоял в том, что Дума, избранная исключительно по партийным спискам, будет работать более организованно, согласованно и мирно: *«будет меньше разногласий в Думе»*; *«это будет как-то без споров, спокойно»*; *«будет лад, смирятся, начнется работа»*. Наконец, респонденты невысоко оценивали возможности депутатов, избранных от территориальных округов, полагая, что *«одномандатник просто как пешка выступает»*, *«партия может что-то сделать, а один человек – ничего»*.

Как видим, эти сторонники пропорциональной системы усматривают в ней не столько оптимальную модель представительства, реализации народного суверенитета – тема влияния рядовых граждан на состав и политику Думы здесь вообще не возникает, – сколько инструмент комплектования дееспособного парламента. Причем в их репликах отчетливо сквозит уверенность в том, что сформировать такой парламент на основе мажоритарной системы невозможно: они не верят в ответственность депутата перед избирателями (только перед партией, руководством), в способность рядовых граждан, избирателей выбрать наиболее достойных представителей (партийная селекция представляется им более качественной), в то, что депутаты от округов смогут конструктивно работать с коллегами (без партийной узды) и чего-то добиваться. Партии же в этих высказываниях явно предстают не институтами публичной политики, позволяющими обществу, гражданам формировать и контролировать власть, а, по сути, звеньями государственного механизма, отбирающими и дисциплинирующими парламентариев.

Уточним: сказанное не означает, что в российском массовом сознании в целом преобладает такое понимание функций партий – дело, как мы увидим далее, обстоит иначе. Но показательно, что при сопоставлении избирательных систем приверженцы пропор-

ционального принципа ссылались преимущественно не на политические функции партий, а, по сути, на их роль в системе государственного управления. Правда, в некоторых репликах сквозило и совершенно иное, демократическое понимание предназначения пропорциональной системы: *«можно выбрать от той партии, которая нравится»*; *«у партий есть программа»*; *«про партии больше знают люди, чем просто про кандидата по округу»*. Но такие доводы, согласно которым выборы по партийным спискам предпочтительны именно как инструмент представительства, позволяющий избирателю сделать более осмысленный, рациональный и вместе с тем ценностно мотивированный выбор, приводились крайне редко (в репликах лишь 1% опрошенных).

А вот защитники мажоритарного компонента избирательной системы, аргументировавшие свою позицию (всего ее заняли, повторим, 31% опрошенных и 22% – так или иначе обосновали), в подавляющем большинстве своем говорили именно о представительстве, причем в их репликах, как правило, либо открыто звучала, либо латентно присутствовала мысль о том, что выборы по партийным спискам представительство обеспечить не могут. Чаше всего эти респонденты говорили, что депутат, избранный по территориальному принципу, будет отстаивать интересы земляков: *«депутат от территории скорее прислушается к мнению жителей и будет отстаивать наши интересы»*; *«выбирая своего человека, надеюсь, что он будет представлять мои интересы»*, *«депутат от территорий хоть что-то делает, заботится о своей территории, о людях»*. То есть такой депутат – в отличие от избранного по списку – рассматривается как представитель определенного территориального сообщества. Этот довод содержался в каждой третьей реплике.

Довольно многие интерпретировали намеченный отказ от выборов от территориальных округов как прямое покушение на принципы демократии и лишение народа права участвовать в формировании властных структур: *«конец всей демократии наступит»*; *«волеизлияние народа должно быть обязательно, мы не быдло»*; *«должно быть учтено мнение людей, а то сами будут решать»*; *«люди тоже должны иметь хоть какой-то голос»*; *«мнение народа не будет учтено»*; *«люди не смогут участвовать в выборе депутатов»*. Выборы депутатов исключительно по партийным спискам не только не воспринимаются этими респонден-

тами как «волеизъявление народа», но и прямо противопоставляются выборам депутатов от территорий как единственно возможному способу обеспечения представительства граждан.

Нередко опрошенные подчеркивали, что при голосовании по партийным спискам избиратель не знает кандидатов: *«люди должны знать, кого выбирают»*; *«мы не будем знать конкретно тех, за кого голосовать»*; *«как голосовать за неизвестного кандидата?»*. Иначе говоря, партии рассматриваются здесь как ненужные посредники между избирателями и депутатами, мешающие гражданам сделать взвешенный выбор, но не как структуры, непосредственно осуществляющие представительство интересов граждан.

Некоторые выражали негативное отношение к партиям как к институту (*«мне партии не нужны»*; *«не верю я этим партиям, никому»*), а чаще – характеризовали российские партии как «ненастоящие» (*«у нас отсутствуют реальные партии»*; *«у нас нет партий в демократическом понимании»*). Кроме того, респонденты обвиняли партии в безразличии к гражданам (*«партии только о себе думают»*; *«партию интересуют только свои дела, жизнь людей – нет»*), а депутатов, избранных по партийным спискам, – в ориентации исключительно на защиту партийных интересов (*«от партии – проводит мнение этой партии»*; *«если депутат от партии, то он руководствуется только ее интересами»*). Тут уже партии предстают не посредниками между депутатами и избирателями, а прямыми конкурентами последних, лишаящими граждан представительства, – в свою пользу.

Иногда звучали и иные доводы. Переход к пропорциональной системе, полагали некоторые, усилит коррупцию (*«партийные списки – продажные»*; *«в списки кто больше даст, того и включают»*), приведет к губительному единообразию мнений в Думе (*«не будет полемики, мнения будут едины»*; *«будут единомышленники, не будет критики»*), если не к возвращению к однопартийной системе (*«будут все из одной партии»*; *«получим в итоге однопартийную систему»*), закрывает доступ в парламент для беспартийных (*«есть и беспартийные хорошие люди»*; *«потому что многие люди, заслуживающие этого, не попали бы в депутаты»*).

Показательно, что в доводах как сторонников, так и противников отмены выборов по территориальным округам практически не звучали ситуационные, конъюнктурные мотивы. Очевидно, что разница между избирательными системами в их представлениях –

отнодью не «техническая»: они исходят из разных представлений о предназначении парламентских выборов. И если, подытожим, сторонники территориального принципа в большинстве своем на разные лады доказывают, что именно данный принцип адекватно обеспечивает представительство граждан в Думе, то их оппоненты об этом особенно не задумываются, усматривая преимущества пропорциональной системы, прежде всего, в гарантиях парламентской «дисциплины» и дееспособности депутатского корпуса¹.

Неудивительно поэтому, что в ответ на прямой вопрос о том, какие депутаты лучше отстаивают интересы избирателей – прошедшие в парламент от округов или от партий, – респонденты гораздо чаще отдавали предпочтение первым (табл. 1). В период, когда выборы в Государственную думу проводились по смешанной системе, примерно половина российских граждан полагали, что их интересы лучше защищаются именно депутатами «с мест», тогда как противоположную точку зрения разделяли лишь 8–9% россиян.

В ходе опроса, проведенного в конце 2012 г., соотношение приверженцев двух позиций оказалось таким же (примерно 6 : 1) [О системе выборов в Госдуму: Как россияне относятся к возвращению смешанной системы выборов, 2013]². При этом доли рес-

¹ Респондентов, сказавших, что им безразлично, сохранятся ли выборы по территориальному принципу, также попросили объяснить. Опрошенные по преимуществу выражали недоверие депутатскому корпусу в целом – безотносительно к методам его комплектования («кого бы мы ни выбирали, никто ничего не делает»; «что тем, что другим нет доверия»; «все равно интересы народа никто не отстаивает»), а также самому институту выборов («выборы – это такое темное дело: якобы мы, а вовсе не мы выбираем»; «потому что все выборы сейчас – это профанация»), декларировали аполитичность и электоральный абсентеизм («дальше своей ограды меня ничего не интересует»; «я в этом ничего не понимаю»; «не голосовал и не буду»).

² Респондентов, отдавших в ходе этого опроса предпочтение той или иной категории депутатов, попросили аргументировать свой выбор. Приводившиеся доводы, впрочем, по преимуществу совпадают с уже приведенными аргументами в пользу территориальной и пропорциональной систем. Отметим лишь, что люди, высказывающиеся в пользу депутатов от территориального округа, гораздо чаще говорят, что эти депутаты известны жителям и потому пользуются доверием последних («его знают жители», «ему доверяют избиратели»), что они «ближе к людям» и лучше знают проблемы конкретных территорий, что они в большей мере чувствуют ответственность перед избирателями и т.д., чем о большей зависимости – подотчетности и подконтрольности – таких депутатов от избирателей в

пондентов, затрудняющихся с ответом, равно как и заявляющих, что депутаты, избранные от округов и от партий, одинаково защищают – или не защищают – интересы своих избирателей, заметно выросли, что обусловлено как изменением политического контекста (до перехода на пропорциональную систему избиратели могли непосредственно сравнивать две категории парламентариев; сейчас об одной из них они вынуждены судить по воспоминаниям либо исходить из умозрительных соображений), так и связанными с ним коррективами в анкете¹.

Однако, признавая территориальный принцип безусловно предпочтительным с точки зрения защиты интересов избирателей, в оценке избирательных систем граждане руководствуются отнюдь не только этим критерием. Как явствует из данных, приведенных в табл. 1, респонденты и в конце 1990-х годов, и в 2004, и в 2012 гг. гораздо реже признают мажоритарную систему оптимальной для обеспечения наилучшей работы Госдумы, нежели обеспечивающей наилучший учет интересов избирателей.

Причем во всех этих опросах вопрос о том, в каком случае депутаты лучше отстаивают интересы избирателей, задавался раньше, чем о том, при какой системе Дума работала бы лучше. Иначе говоря, прежде чем отвечать на этот, второй вопрос, респонденты благодаря структуре анкеты уже задумывались о том, какой принцип избрания депутатов больше соответствует их собственным, частным интересам, и многие из них отвечали себе и интервьюерам, что это – территориальный принцип. Фактически тут заложена (разумеется, непредумышленно) определенная «подсказка», довод в пользу «голосования» за тот же принцип и при выборе оптималь-

сравнении с депутатами, избранными по партийному списку: «Больше спрос с депутата», «выбранный народом перед народом и отчитывается». Последний мотив так или иначе звучал в репликах лишь 4% опрошенных.

¹ Раньше респондентам перед вопросом (сама формулировка которого, разумеется, изменений не претерпела) просто напоминали: «Выборы в Госдуму проводятся по смешанной системе: половина депутатов избирается по спискам партий, половина – из числа кандидатов от территориальных округов». В 2012 г. им пришлось, кроме того, сообщать, что с 2007 г. такая система упразднена и депутаты избираются исключительно по партийным спискам. Понятно, что некоторых нетвердых сторонников территориального принципа как само его упразднение, так и напоминание о нем в ходе опроса могло смутить, поколебать их уверенность в его преимуществах.

ной модели комплектования Думы – чуть далее по ходу интервью. Однако многие не следуют этой «подсказке» и вместо того, чтобы подтвердить заявленную ранее позицию высказыванием в пользу мажоритарной системы, отдают «голоса» в пользу смешанной системы либо затрудняются с ответом. В 2004 г. такую «непоследовательность» проявили почти треть (31%) опрошенных: 50% – назвали территориальный принцип лучшим для обеспечения защиты интересов избирателей и только 19% – для формирования дееспособной Думы.

Таблица 1

(в % от опрошенных)

	01.03. 1998	09.05. 1999	19.09. 2004	23.12. 2012	10.03. 2013
В каком случае, по вашему мнению, депутат, избранный в Госдуму, лучше отстаивает интересы своих избирателей?					
Когда он избран от жителей территориального округа	51	53	50	32	
Когда он является представителем партии, избранной в Госдуму	8	9	9	5	
В равной мере и в том и в другом случае	15	17	18	28	
Затрудняюсь ответить	25	21	22	35	
В каком случае, на ваш взгляд, Госдума работала бы лучше: если формировать ее только из представителей партий, только из депутатов от территориальных округов или из тех и других поровну?					
Только из представителей партий	6	8	8	4	5
Только из депутатов от территориальных округов	31	25	19	19	9
Из тех и других поровну	30	34	42	43	44
Затрудняюсь ответить	33	32	32	33	42

А когда в марте 2013 г. вопрос о том, в каком случае Дума работала бы лучше, был задан респондентам в ином контексте – без предварительной актуализации темы защиты интересов избирателей, – распределение ответов изменилось, в сравнении с данными декабря 2012 г., очень показательно: доли заявивших, что лучше всего работала бы Дума, избранная «только из представителей партий», а также состоящая из депутатов, избранных и по партийным спискам, и по территориальным округам, остались практически прежними (5 и 44% соответственно), тогда как число

высказавшихся в пользу исключительно «депутатов от территориальных округов» сократилось вдвое (до 9%), а доля затруднившихся с ответом – выросла (42%) [О системе выборов в Госдуму: Зачем нужны партии, 2013]. Такая динамика вряд ли фиксирует тенденцию к обвальному разочарованию в мажоритарной системе (за два с половиной месяца – вдвое). Дело тут, конечно, в другом: некоторые из высказывавшихся за эту систему в предшествовавших опросах во многом следовали «подсказке», выбирая территориальный принцип именно потому, что до того их вынуждали ответить на вопрос, какой вариант более выгоден для рядовых граждан – таких, как они сами. Когда же этот фактор был элиминирован, оказалось, что мажоритарная система по популярности впятеро уступает смешанной – хотя и вдвое превосходит пропорциональную.

Очевидно, это означает, что россияне не сводят предназначение Думы к отстаиванию интересов избирателей, что они признают за ней и иные функции, для реализации которых, по их мнению, пропорциональный принцип в чем-то адекватнее мажоритарного.

Функции Государственной думы

Как же наши сограждане представляют функции отечественного парламента?

Прежде чем мы ответим на этот вопрос, следует, впрочем, подчеркнуть, что лишь немногим более половины российских граждан (57%) вообще считают Государственную думу «нужным, необходимым» органом власти; четверть россиян (24%) полагают, что это «ненужный, лишний» орган, а остальные – затрудняются оценить, нужна ли она [О Госдуме и ее работе, 2013]. Причем достаточно самого слабого «намёка» на гипотетическую возможность безболезненно обойтись без Госдумы, чтобы доля респондентов, демонстрирующих уверенность в необходимости парламента, сократилась до трети. Участников одного из опросов ФОМ спросили: *«А как Вы полагаете, для страны было бы лучше или хуже, если бы Государственной думы вообще не было, если бы ее обязанности и полномочия взяло на себя правительство?»*. И только 35% опрошенных при такой постановке вопроса заявили, что стране без Госдумы было бы хуже; у противоположного мнения оказалось

лишь немногим меньше сторонников (29%), а 36% респондентов не взялись судить о вероятных последствиях устранения этого института [Государственная дума, 2012].

Анализ причин столь слабой приверженности россиян идее парламентаризма, принципу разделения властей не входит в задачи данной работы, но, говоря об их предпочтениях в сфере избирательного законодательства, необходимо иметь в виду, что ценность самого парламента для большинства из них не вполне очевидна.

Что касается представлений россиян о функциях Госдумы, то о них можно судить по ответам на открытый вопрос, адресованный тем 57% респондентов, которые в декабре 2013 г. назвали ее «*нужным, необходимым*» органом. Их спросили, почему они так считают, и почти половина участников опроса, 48%, так или иначе аргументировали свою позицию.

Наиболее распространенный довод связан с законотворческой деятельностью Думы. Ссылки на нее звучали намного чаще, чем любой иной аргумент, – в высказываниях 21% опрошенных: «*законодательный орган*»; «*законодательная власть*»; «*для принятия законов*»; «*все равно законы издавать кому-то надо*»; «*должен же кто-то заниматься законотворчеством*»; «*а законы кто будет принимать?*».

Довольно многие (7%) характеризовали Думу как неотъемлемый элемент государственного устройства, зачастую при этом отождествляя ее с властью как таковой: «*без власти жить нельзя*»; «*государству нужно для управления*»; «*без власти нет государства*»; «*кто-то должен руководить*»; «*нужно, чтобы кто-то народом управлял*»; «*людьми нужно управлять*». Нередко в этих репликах отчетливо звучали патерналистские интонации – вплоть до таких образцовых репрезентаций патерналистского сознания: «*это как хозяин в доме: есть хозяин – и все хорошо*»; «*без старших нельзя*»; «*глава семьи нужен*».

В иных многочисленных высказываниях о значимости Думы в государственном управлении можно выделить еще несколько групп реплик, различающихся не столько интерпретациями ее роли, сколько расстановкой акцентов. Одни (4%) говорили, что Дума решает важные вопросы («*все вопросы там решаются*»; «*чтобы решать важные государственные вопросы*»), другие (3%) – что она обеспечивает стабильность и порядок («*для порядка в стране*»; «*для спокойствия*»; «*иначе будет анархия*»; «*без нее будет*

бардак»; «будет хаос, как на Украине, если ее не будет»), третьи (3%) – что она работает или должна работать на благо страны и народа («они должны помогать народу»; «чтобы устраивать жизнь россиянам»; «должны создавать лучшие условия для страны»; «нужна для того, чтобы улучшать жизнь граждан и развивать культуру»), четвертые (2%) – что она помогает президенту («президент не может все делать один»; «президенту подмога»; «это правая рука»; «один Путин не справится»). Некоторые респонденты (3%) подчеркивали значимость «коллективного разума», коллегиального решения государственных вопросов: «несколько голов лучше, чем одна»; «много мнений – полезно»; «коллективный разум сильнее индивидуального, решения должны принимать коллективно».

подавляющее большинство респондентов, взявшихся обосновывать необходимость Думы, как видим, так или иначе говорят о ее роли в государственном управлении, а не в политической системе. Лишь 4% респондентов – менее одной десятой от числа ответивших на данный вопрос – говорили о парламенте как о представительном органе («Государственную думу избирают люди»; «исполнять наказания избирателей»; «интересы избирателей должны представлять»; «народ выбирает своих посланников – хоть какая-то демократия»), необходимым элементе демократического порядка («для демократии»; «не монархия в стране»; «не хочу, чтобы было единовластие»; «а то опять царь появится») или даже описывали ее «как буфер между народом и президентом».

Приведенные данные не означают, разумеется, что российские граждане не считают парламент представительным органом или в принципе не ведают об этой его функции. Но ответы на такой открытый вопрос позволяют достаточно отчетливо разглядеть иерархию бытующих в массовом сознании представлений. И совершенно очевидно, что Дума воспринимается нашими согражданами в первую очередь как властная структура, важная деталь громоздкого государственного механизма (в частности, законодательный «департамент»); что же касается ее функционирования в качестве института представительства, то эта ее ипостась оказывается для массового сознания второстепенной, периферийной.

Это многое объясняет в мнимо-противоречивом отношении россиян к различным избирательным системам, о котором мы говорили выше. Мажоритарная система расценивается «человеком с

улицы» как предпочтительная с точки зрения обеспечения представительства избирателей, но далеко не оптимальная в качестве механизма комплектования и организации Думы как властной структуры. Судя по доводам в пользу пропорциональной системы, которые приводились немногочисленными сторонниками полного отказа от территориального принципа, фракционное структурирование депутатского корпуса признается полезным для обеспечения дееспособности Думы: партии отбирают более квалифицированных кандидатов, контролируют работу депутатов, ограничивая их своекорыстие и амбиции, располагают политическими и административными ресурсами, позволяющими добиваться тех или иных целей. При этом, оговоримся, и сами партии в известной мере воспринимаются как институт представительства, но эта их функция – как и аналогичная функция парламента, не расценивается как главная, основная¹. Таким образом, можно, немного огрубляя, констатировать, что россияне предпочитают смешанную избирательную систему потому, что склонны усматривать в ней компромисс, дающий возможность обеспечить как относительно эффективное функционирование Думы (за счет пропорциональной составляющей), так и представительство интересов граждан (за счет мажоритарной составляющей).

До сих пор речь шла о предпочтениях россиян применительно к способу комплектования Государственной думы. Но естест-

¹ Вообще, только 42% россиян в 2013 г. сочли, что стране нужна многопартийная система (13% полагали, что партий должно быть две, 29% – что три или более), причем этот показатель – весьма устойчив: в 2004 г. – 44%, в 2006 г. – 42%. Еще 15% опрошенных считали, что стране нужна только одна партия, 16 – что партии не нужны совсем, а 27% – не имели какого-либо мнения на этот счет. По аргументации респондентов, признавших партии нужными (включая и сторонников однопартийности), можно судить о том, как видятся функции партий. Самый распространенный мотив – обеспечение политической конкуренции, соперничества, плюрализма мнений, конструктивной полемики (упоминают 18% опрошенных). Довольно многие приписывают партиям, по сути, функции государственной власти: управление страной, поддержание порядка (5%), улучшение жизни людей (4%), принятие законов (3%), помощь руководству страны (1%) и т.д. Но звучит и тема представительства: 4% опрошенных говорят, что партии должны выражать интересы разных слоев и групп населения, 4 – что они нужны, чтобы у людей был выбор, альтернативы, 1% – для сплачивания единомышленников, «объединения сторонников определенных социально-политических взглядов» [О системе выборов в Госдуму: Зачем нужны партии, 2013].

венно предположить, что применительно к иным уровням власти – региональному и муниципальному – эти предпочтения окажутся несколько иными: сокращение «дистанции» между гражданином и номинально представительным органом должно, кажется, способствовать более выраженной потребности в реальном представительстве, а следовательно – в усилении ориентации на территориальный принцип.

Региональные и муниципальные выборы

Обратимся к данным опроса, проведенного в Москве летом 2014 г., незадолго до выборов в Мосгордуму – прошедших, впервые после длительного перерыва, по мажоритарной системе [Выборы в Мосгордуму, 2014]. На момент опроса большинство москвичей (56%) еще не знали об этом изменении избирательной системы в столице («знали» или хотя бы «что-то слышали» 11 и 31% опрошенных соответственно). Но участники опроса восприняли возврат к мажоритарной системе чрезвычайно позитивно: 59% респондентов сказали, что положительно относятся «к тому, что теперь всех депутатов Мосгордумы будут избирать по территориальному принципу», и только 4% – что отрицательно; прочие с ответом затруднились. Причем среди считающих Мосгордуму «нужным, необходимым» органом власти (а это мнение разделяют 68% опрошенных¹) перевес позитивных оценок оказался еще более

¹ Судя по доводам опрошенных в пользу существования этого органа, их представления о его функциях не очень сильно отличаются от представлений россиян о функциях Госдумы – хотя степень распространенности аргументов все же несколько различается. Чаще всего респонденты говорили о необходимости власти как таковой («власть должна быть в городе»; «городу надо управление» – 17%), о том, что «кто-то должен решать вопросы горожан» (11%); что «Москва – большой мегаполис» (5%) и потому нуждается в системе управления, что Мосгордума работает на благо москвичей (4%) и обеспечивает порядок в городе (3%), помогает мэру (3%) и т.д. Аспект законотворчества («законодательная власть нужна в городе») упоминается сравнительно редко (5%). Еще 4% акцентировали внимание на необходимой, по их мнению, коллегиальности при принятии решений. Что же касается политических функций Мосгордумы, то они упоминались не чаще, чем аналогичные функции Госдумы в общероссийском опросе: 4% опрошенных сослались на ее место в системе разделения властей на городском уровне («по идее, это должно быть противовесом исполнительной вла-

впечатляющим: 67 против 3%. Впрочем, и считающие столичный «парламент» органом «лишним, ненужным» (такой скептицизм выразили 15% опрошенных москвичей) довольно определенно приветствовали возврат к мажоритарной системе: 40% – «за», 9% – «против».

Мотивы москвичей, приветствовавших эту новацию в избирательном законодательстве (им был задан соответствующий открытый вопрос), нам уже в основном знакомы: здесь во многом повторяются доводы в пользу территориального принципа, приводившиеся участниками общероссийского опроса. Тем не менее стоит бросить на них беглый взгляд. Респонденты радуются тому, что теперь избиратели будут лучше знать депутатов (*«буду знать человека в лицо»*; *«знаешь теперь, за кого голосуешь»* – 14%), а депутаты – лучше знать проблемы района (*«на своей территории человек больше знает все нюансы»*; *«потому что они более досконально знают ситуацию на данной территории»* – 12%) верят, что житель территориального округа – а многие считают само собой разумеющимся, что депутат от округа непременно является его жителем, – проявит особую заинтересованность в решении его проблем (*«человек живет здесь и будет заботиться о том, что его окружает»* – 11%); что в рядах депутатов появятся достойные люди, не зависящие от партий (*«потому что не будет возможности пропихивать партиям нужных людей, придется избираться и даже что-то делать»*; *«не будет засланных казачков»* – 6%); что депутаты будут ближе, доступнее (*«можно найти, обратиться по вопросам территории»*; *«это ближе, можно быстрее попасть на прием»* – 5%); что повысится их ответственность (*«каждый депутат будет отвечать за свой участок»*; *«ответственность есть перед населением»* – 4%); что усилится контроль за ними – видимо, со стороны избирателей (*«работа их видна лучше»*; *«потому что контролировать легче»*; *«потому что можно посмотреть на результат»* – 3%).

По существу, буквально все эти аргументы так или иначе конкретизируют, развивают тезис о том, что переход к мажоритарной системе обеспечит адекватное представительство. И, судя по

сти») и 5% – на то, что Мосгордума обеспечивает представительство москвичей: «глас народа»; «мы можем свои чаяния донести»; «избранцы своих районов, которые доводят до мэра города волю народа».

столь массовой поддержке этого перехода, можно было бы, кажется, заключить, что жители столицы испытывают острую потребность в реализации своего права на политическое представительство и не преминут реализовать его после выборов, создающих для этого столь благоприятные условия, – будут как минимум внимательно следить за деятельностью депутатов и периодически контактировать с ними.

Учтем, однако, что до 2014 г. Мосгордума избиралась не по пропорциональной, а по смешанной системе, и половина депутатского корпуса комплектовалась из представителей территориальных округов. Между тем, как показал тот же опрос (табл. 2), лишь незначительная часть москвичей (13%) хотя бы знали депутатов, представляющих их округа в городском «парламенте» (среди молодежи – всего 4%). Кстати, среди респондентов, которые считают Мосгордуму «лишним, ненужным» органом, доля знающих «своих» депутатов – практически такая же, как и среди считающих ее «нужным, необходимым» органом (12 и 13% соответственно).

Таблица 2

(в % от групп)

	москвичи в целом	18–30 лет	31–45 лет	46–60 лет	старше 60 лет
Вы знаете или не знаете депутата, который сейчас представляет Ваш избирательный округ в Мосгордуме?					
Знаю	13	4	9	20	18
Не знаю	86	95	89	78	81
Затрудняюсь ответить	1	0	1	3	1

Причем когда этих респондентов попросили оценить деятельность депутатов, представляющих их округа, половина из них сообщили, что ничего о работе «своих» депутатов не знают, а некоторые затруднились с оценкой. В результате лишь 4% опрошенных сообщили, что «их» депутаты работают в Мосгордуме хорошо и 2% – что плохо. Такой уровень осведомленности о деятельности депутатов, избранных от территориальных округов, свидетельствует, видимо, о том, что москвичи, довольно дружно приветствуя возвращение институциональных предпосылок политического представительства в обличье мажоритарной системы, реальной потреб-

ности в подобном представительстве в основном не испытывают. Речь здесь идет скорее об оценке потенциала данной избирательной системы, чем о запросе на его реализацию.

Мы, впрочем, не вправе экстраполировать этот вывод на россиян в целом: в принципе не исключено (хотя на деле – маловероятно), что тут проявляется некая московская специфика.

Обратимся к данным еще одного общероссийского опроса, в ходе которого выяснялось, как наши сограждане воспринимают деятельность депутатов самых «близких» к ним, муниципальных органов¹, и как взаимодействуют с ними [О работе депутатов муниципальных собраний, 2012]. Прежде всего, обращает на себя внимание низкий уровень осведомленности российских граждан как о деятельности муниципальных собраний, так и о составе депутатского корпуса (табл. 3): 65% опрошенных не знают никого из местных депутатов, 71% – ничего не слышали об их работе.

Чаще всего знают «своих» муниципальных депутатов и имеют представление об их деятельности жители крупных городов (но не мегаполисов) – с населением от 250 тыс. до 1 млн человек. Это – довольно неожиданное – обстоятельство требует, видимо, специального анализа. Что же касается прочих типов населенных пунктов, то доля не знающих никого из представителей депутатского корпуса последовательно снижается от столицы (91%) до сел (57%), а доля знакомых с депутатами или хотя бы знающих их поименно, соответственно, растет. Понятно, что это обусловлено разной плотностью социальных связей в мегаполисах, с одной стороны, и в малых городах и сельской местности – с другой. Но, судя по данным опроса, применительно к осведомленности о деятельности муниципальных собраний эта зависимость проявляется гораздо менее отчетливо. И во всяком случае, москвичи сообщают, что знают о работе этих собраний, не реже, чем жители сел и средних городов (с численностью населения от 50 до 250 тыс. человек).

¹ Во избежание более чем вероятных недоразумений респондентам разъясняли, что речь идет об органах местного самоуправления, которые могут называться по-разному, например, городским (сельским) советом депутатов, городской думой и т.д.

Таблица 3

(в % от групп)

	Население в целом	Москва	Города 1 млн и более	Города: от 250 тыс. до 1 млн	Города: от 50 до 250 тыс.	Города: менее 50 тыс., поселки гор. типа	Села
Скажите, пожалуйста, Вы знаете, что-то слышали или ничего не знаете о работе депутатов муниципального собрания вашего города* (поселка, села)?							
Знаю	8	13	4	7	7	6	11
Что-то слышал (-а)	19	10	13	29	18	25	13
Ничего не знаю	71	75	79	62	75	66	74
Затрудняюсь ответить	2	2	4	2	1	2	2
Вы знаете или не знаете депутатов муниципального собрания вашего города* (поселка, села)? Если знаете, то приходилось ли Вам общаться, разговаривать с кем-либо из них?							
Знаю, приходилось общаться	12	5	6	11	9	12	21
Знаю, но общаться не приходилось	20	4	12	35	19	21	18
Никого не знаю	65	91	78	51	71	63	57
Затрудняюсь ответить	3	1	5	4	1	4	4

*В Москве и Санкт-Петербурге респондентов спрашивали о муниципальных собраниях районов

Впрочем, если обратиться к данным об источниках, из которых российские граждане черпают информацию о деятельности муниципальных собраний (табл. 4), можно обнаружить существенные различия, свидетельствующие, по-видимому, о разной степени включенности, заинтересованности жителей крупных и малых населенных пунктов в функционировании местного самоуправления. Так, если среди москвичей и жителей иных мегаполисов лишь 2% черпают информацию из разговоров с близкими, то среди сельчан и жителей малых городов – 13%. Представляется, что это – очень значимый показатель: чем интенсивнее циркуляция информации о работе муниципальных депутатов в межличностном общении членов территориального сообщества (излишне говорить, что при этом люди не просто обмениваются фактами, но обсуждают их,

спорят, вырабатывают коллективные суждения и оценки), тем больше оснований предполагать, что в данном сообществе наличествуют по крайней мере предпосылки коммуникаций между гражданами и депутатами муниципального собрания, без которых последнее не может де-факто осуществлять функцию представительства.

Таблица 4

(в % от групп)

	Население в целом	Москва	Города: 1 млн и более	Города: от 250 тыс. до 1 млн	Города: от 50 до 250 тыс.	Города: менее 50 тыс., поселки гор. типа	Села
<i>Из каких источников вы узнаете о работе депутатов муниципального собрания вашего города* (поселка, села)? (Вопрос задавался тем, кто знает или слышал о работе депутатов муниципального собрания, – отвечали 27% респондентов. Любое число ответов)</i>							
Телевидение	12	12	5	30	13	9	5
Газеты, журналы	11	10	6	11	8	18	9
Интернет	3	6	2	9	4	3	1
Разговоры с родственниками, друзьями, знакомыми	9	2	2	8	6	13	13
Листовки, письма от депутатов	2	0	2	3	1	4	0
Объявления на стендах, ин- формационных досках	3	2	1	3	2	5	3
Другое	2	5	4	4	1	0	2
Затрудняюсь ответить	1	0	2	0	1	1	1

*В Москве и Санкт-Петербурге респондентов спрашивали о муниципальных собраниях районов.

В Москве же, в иных мегаполисах и, в особенности, в крупных городах с населением до 1 млн человек основным источником информации о работе муниципальных собраний являются СМИ, прежде всего – телевидение. В значительно меньшей степени – Интернет. Очевидно, акцент на пассивном потреблении информации о работе муниципальных депутатов при крайне редких личных контактах с ними и практически в отсутствие данной темы в повседневном общении горожан – симптоматика, указывающая на

неразвитость функции представительства. Но, видимо, не случайно, что именно там, где о деятельности муниципальных собраний говорят мало, а информацию о них получают по преимуществу из СМИ, уровень удовлетворенности их деятельностью сравнительно высок (табл. 5). Как видим, в мегаполисах (включая столицу) и крупных городах практически поровну считающих, что деятельность муниципальных депутатов идет на пользу этим городам, и отрицающих это, тогда как в малых городах и селах недовольных примерно втрое больше, чем довольных. То есть там, где муниципальные собрания «ближе» к людям, где их деятельностью больше интересуются, оценки работы этих органов – ниже¹.

Таблица 5

(в % от групп)

	Население в целом	Москва	Города: 1 млн и более	Города: от 250 тыс. до 1 млн	Города: от 50 до 250 тыс.	Города: менее 50 тыс., поселки гор. типа	Села
Если говорить в целом, деятельность депутатов муниципального собрания за последние два-три года принесла или не принесла пользу вашему городу* (поселку, селу)?							
Принесла	22	25	25	30	28	14	18
Не принесла	38	25	25	31	37	45	48
Затрудняюсь ответить	39	49	50	38	35	41	35

* В Москве и Санкт-Петербурге респондентов спрашивали о муниципальных собраниях районов.

Стоит отметить, что плоды деятельности муниципальных собраний участники опроса видят преимущественно в благоустройстве городов и сел (обустройство дворов, детских площадок, цветники, газоны, уборка мусора и т.д.), а также строительстве и

¹ Вместе с тем стоит отметить, что респонденты, обсуждающие работу депутатов с родственниками и знакомыми, несколько выше прочих оценивают результаты деятельности депутатского корпуса: 32% из них считают, что эта деятельность в последние годы принесла пользу их городам и селам, 38% (как и среди опрошенных в целом) это отрицают.

ремонте дорог – существенно больше половины ответов на открытый вопрос о том, какую именно пользу они принесли за последние 2–3 года, посвящены этим сюжетам.

Участников опроса спросили также, хотят ли они узнать больше о работе депутатов муниципального собрания и насколько доступна такая информация. И ровно половина опрошенных (50%) заявили, что им бы не хотелось знать больше. Очевидно, что такой ответ относится к числу «социально неодобряемых»: гражданину «положено» интересоваться деятельностью депутатов, равно как и участвовать в выборах депутатского корпуса, и респонденты традиционно склонны преувеличивать свои «гражданские добродетели». Кстати, даже в рамках опроса, о котором мы говорим сейчас, 54% респондентов заявили, что участвовали в последних выборах депутатов муниципальных собраний, тогда как реальный уровень явки на таких выборах примерно вдвое ниже¹. Вряд ли можно сомневаться, что и уровень своей заинтересованности в информации о работе депутатского корпуса респонденты существенно «завышают». И тем не менее 50% опрошенных однозначно заявляют, что не хотят знать об этой работе больше того, что уже знают, и еще 14% – затрудняются с ответом (т.е., по сути, тоже демонстрируют отсутствие заинтересованности – пусть и не столь четко). Остальные респонденты заявляют, что хотели бы знать больше, но часто добавляют, что информацию найти трудно (22% опрошенных)², чем что ее найти легко (13%).

Личный контакт

Данные опроса 2013 г. дают представление также об интенсивности коммуникаций между гражданами и муниципальными депутатами (табл. 6). Две трети опрошенных в течение последних

¹ На выборах представительных органов городских поселений «нормальная» явка – ниже 20%, сельских – ниже 40% [см.: Любарев, 2013].

² Независимо от того, в какой мере информация о работе муниципального собрания действительно труднодоступна для респондентов, а в какой они таким образом «оправдывают» свою неосведомленность (несомненно, бывает и то и другое), в этом ответе также фиксируется дисфункция института представительства на локальном уровне.

пяти лет, по их словам, не помышляли об обращении к депутату – не было повода. Но с точки зрения рассматриваемой темы важнее другое: среди тех, у кого возникала ситуация, требующая обращения к местному депутату, лишь примерно четверть действительно обратились к нему. Остальные – 21% от всех опрошенных – в таких ситуациях обращаться к депутату не стали.

Таблица 6

(в % от группы)

	Население в целом	Москва	Города: 1 млн и более	Города: от 250 тыс. до 1 млн	Города: от 50 до 250 тыс.	Города: менее 50 тыс., поселки гор. типа	Села
В последние пять лет у Вас возникла или не возникла ситуация, когда Вы хотели обратиться к депутату муниципального собрания? Если возникла, то Вы к нему обратились или не обратились?							
Такой ситуации не возникало	68	71	73	50	70	76	68
Такая ситуация возникла, но я обращаться не стал (-а)	21	18	18	34	20	15	19
Такая ситуация возникла, я участвовал (-а) во встрече депутата с местными жителями	3	3	5	8	2	2	2
Такая ситуация возникла, я обращался (-лась) к депутату напрямую	4	5	2	2	5	3	8
Затрудняюсь ответить	4	3	3	6	3	4	3

Отметим, кстати, что большинство обратившихся к депутатам (59% этой группы), по их словам, легко добились встречи; сложности испытали лишь 33%. Правда, при оценке результативности контактов с депутатами пропорции оказались обратными: только 34% встречавшихся с последними сказали, что встреча помогла им в решении их вопроса, а 60% – что не помогла.

Оговоримся: мы не знаем, почему на каждого удовлетворенного итогами встречи с депутатом приходится двое недовольных. Наверное, в одних случаях депутаты не приложили должных уси-

лий, чтобы помочь своим избирателям, в других – у них не было необходимых для этого ресурсов или полномочий, в третьих – сами граждане обращались со своими запросами не по адресу, в четвертых – эти запросы были необоснованными, несправедливыми или незаконными, и т.д. Но в данном случае это не важно: данные указывают на то, что менее 3% российских граждан в последние пять лет имели контакты с представителями депутатского корпуса муниципального уровня, завершившиеся приемлемым для них результатом.

Участников опроса спросили также, какой формат общения с депутатом муниципального собрания они предпочли бы – личную встречу или контакт через Интернет. Около трети ответить затруднились, остальные подавляющим большинством «голосов» (58 против 11%) высказались в пользу личной беседы. Разумеется, частично это обусловлено тем, что Интернет освоен далеко не всеми россиянами. В столице и иных мегаполисах перевес сторонников личного общения с депутатами не столь внушителен, как в селах и малых городах (табл. 7). Однако и тут этот перевес весьма весом. Весом он и в среде молодежи (до 30 лет) – в поколении, где навыки владения Интернетом распространены достаточно широко (48 против 20%), – и среди обладателей высшего образования (55 против 19%). И, как показывают ответы респондентов на открытый вопрос о мотивах их выбора, незнакомство части россиян с Интернетом является тут далеко не главной причиной: распределение мнений в большей мере обусловлено ожиданиями, установками граждан в отношении коммуникаций с депутатами.

Аргументы сторонников общения с депутатами через Интернет самоочевидны и прагматичны: так проще, удобнее, *«можно обратиться в любое время»*, *«не стоять в очереди»*; *«на это уходит меньше времени»*; *«сейчас все по Интернету»*.

А самый распространенный довод сторонников очной встречи состоит в том, что при таком общении возникает личный контакт, – об этом вполне определенно говорит каждый третий из числа сторонников такой коммуникации (19% от всех опрошенных). При этом одни ограничиваются самодостаточным, на их взгляд, указанием на преимущества контакта *«глаза в глаза»*: *«лучше общаться лицом к лицу»*; *«чтоб в глаза посмотреть»*; *«вживую лучше»*. Другие уточняют, что это помогает понять контрагента (*«больше понять можно человека, что он собой представляет»*;

«ближе к человеку – лучше поймешь»; «увиджу, кто передо мной сидит»; «в глаза смотреть, видеть реакцию лица») и, соответственно, спрогнозировать результат обращения («видишь человека живую и понимаешь, поможет он тебе или нет»; «при личной встрече ты понимаешь, будет ли решен твой вопрос»). Третьи поясняют, что так обеспечиваются эмоциональный контакт и взаимопонимание: «через Интернет нет эмоционального контакта с человеком»; «так более доверительно»; «так достигается больше взаимопонимания». Четвертые акцентируют внимание на том, что эмоциональный контакт часто позволяет добиться желаемого; любопытно, что практически все реплики этого рода начинаются со слов «все же», свидетельствующих, видимо, о неловкости за подобный прагматизм: «все же личная симпатия что-то даст в общении»; «все же поплакаться можно в жилетку и что-то решить»; «все же личный контакт дает больше пользы, чем машина». Респонденты говорят, что «Интернет – мертвая связь», а «человеческий фактор, контакт, играет огромную роль». Возможно, наиболее яркое и адекватное выражение эта позиция находит в следующей реплике: «тогда это было бы не формально, а по-человечески».

Таблица 7

(в % от групп)

	Население в целом	Москва	Города: 1 млн и более	Города: от 250 тыс. до 1 млн	Города: от 50 до 250 тыс.	Города: менее 50 тыс., поселки гор. типа	Села
Если бы в будущем Вам понадобилось обратиться к депутату муниципального собрания, Вы предпочли бы личную встречу или обращение через интернет?							
Личную встречу	58	45	48	60	59	57	64
Обращение через Интернет	11	18	16	11	13	10	7
Затрудняюсь ответить	31	36	36	29	28	33	30

По сути, примерно ту же мысль – о преимуществах личного, «человеческого» контакта – в несколько иной аранжировке выражают и те 9% опрошенных, которые, не касаясь психологических

аспектов такой коммуникации, говорят о более высокой действенности, эффективности личных встреч с депутатами, нежели обращений к ним через Интернет: *«эффективнее личное общение»; «так надежнее»; «больше пользы»; «только лично можно конкретно решить вопрос»; «вероятность отписок меньше».*

Довольно многие (5%) предпочитают личный контакт потому, что он, по их мнению, позволяет лучше передать суть просьбы или предложения, адресованного депутату: *«в диалоге лучше передать смысл темы»; «более подробно можно объяснить ситуацию»; «словами больше скажешь»; «в письменной форме я не смогу все изложить так, как в устной»; «если будет непонятно что-то – можно уточнить».*

Показательно, что некоторые респонденты, объясняя свое желание пообщаться с муниципальным депутатом очно, демонстрируют глубокую «классовую» неприязнь к потенциальным контрагентам (*«чтоб посмотреть в их бесстыжие глаза»; «можно сказать все в лицо, хотя они без совести»; «посмотреть в глаза его сытые»*), выражают надежду *«лично достучаться до совести»* народного избранника или прозаично констатируют, что так *«проще взятку дать».*

При этом незнакомством с Интернетом или отсутствием доступа к нему объясняют свой выбор в пользу личного контакта 13% опрошенных; еще 5% респондентов говорят, что так проще, привычнее, удобнее. Некоторые (3%) в принципе не доверяют Интернету, в котором *«неизвестно, кто тебе отвечает».*

Но в целом у тех, кто имеет доступ к Интернету, безоговорочно преобладают, как видим, ответы, в которых преимущества личной встречи с муниципальным депутатом¹ связываются с надеждой на достижение неформального контакта с ним, на выход за рамки ролевого взаимодействия и установление «человеческих» отношений. Такая установка абсолютно органична для российского институционального порядка: фрагментарность последнего (отсутствие социетальной интеграции на базе универсальных соци-

¹ Кстати, судя по всему массиву высказываний, ни у кого из участников опроса не возникло предположение, что потребность во встрече с муниципальным депутатом может возникнуть не в связи с необходимостью решения какой-то частной проблемы респондента или его семьи, а в связи с какой-либо инициативой, касающейся общих проблем города или села.

альных норм), хронический дефицит анонимного межличностного доверия, равно как и доверия к институтам, ориентируют граждан на деформализацию и деинституционализацию любых контактов с представителями мира власти, на поиск индивидуализированных, эксклюзивных решений своих проблем (вне правовой и, шире, нормативной регламентации) в режиме личного знакомства и «человеческого» взаимопонимания – что, разумеется, очень способствует воспроизводству коррупционных практик [Гражданское и политическое в российских общественных практиках, 2013].

Кроме того, представление о герметичности, самодостаточности и монопольной субъектности мира власти, включающего в себя, помимо прочего, и депутатский корпус, имманентно патерналистскому дискурсу, и поэтому персонификация отношений с конкретным, «отдельно взятым» депутатом оказывается для «человека с улицы» важной, а зачастую – едва ли не обязательной предпосылкой диалога с ним¹.

Возвращаясь к вопросу о предпочтениях россиян в отношении избирательных систем, отметим, что выборы по территориальному принципу изначально в гораздо большей степени, нежели по пропорциональному, благоприятствуют подобной персонификации. Во многом именно поэтому россияне склонны считать, что депутаты от округов лучше защищают интересы своих избирателей, – это подтверждается приведенной выше аргументацией сторонников этой точки зрения.

* * *

Россияне склонны считать мажоритарную систему более перспективной с точки зрения шансов на реализацию депутатским корпусом функций представительства. Но реальный запрос на представительство (строго говоря, говорить о политическом пред-

¹ Такая персонификация «наделяет» контрагента действительными или воображаемыми личностными характеристиками, в результате чего он, сохраняя принадлежность к «ним» (а для российского массового сознания анонимный мир власти – это, безусловно, «они»): значимая внешняя общность, дистанцирование от которой играет весьма существенную роль в конструировании «мы»), становится одним из «нас».

ставительстве в этом контексте не совсем корректно – речь идет по преимуществу о защите частных интересов отдельных граждан) остается слабовыраженным. Об этом свидетельствуют как слабый интерес и низкая информированность граждан относительно деятельности и персонального состава номинально представительных органов всех уровней, так и тот факт, что оптимальной избирательной системой при формировании Государственной думы они считают все же не мажоритарную, а смешанную систему, обеспечивающую, по их мнению, более высокую эффективность ее деятельности.

Источники

- Выборы в Госдуму: переход к пропорциональной системе. Опрос населения / Фонд «Общественное мнение». – 2004. – 23 сентября. – Режим доступа: <http://oldcorp.fom.ru/report/map/dominant/dominant2004/dom0438/dd043810> (Дата посещения: 1.09.2014.)
- [Репрезентативный опрос взрослого населения России, 19.09.2004. Параметры опроса: 1500 респондентов, 100 городских и сельских населенных пунктов в 44 субъектах РФ, в режиме face-to-face].
- Выборы в Мосгордуму: электоральные намерения москвичей / Фонд «Общественное мнение». – 2014. – 21 августа. – Режим доступа: <http://fom.ru/Politika/11677> (Дата посещения: 1.09.2014.)
- [Телефонный опрос населения Москвы, 03.08.2014 г. Параметры опроса: 1000 респондентов, случайная выборка номеров мобильных и стационарных телефонов].
- Государственная дума: Оценка работы Госдумы и отношение к деятельности депутатов / Фонд «Общественное мнение». – 2012. – 25 октября. – Режим доступа: <http://fom.ru/Politika/10669> (Дата посещения: 1.09.2014.)
- [Репрезентативный опрос взрослого населения России, 07.10.2012. Параметры опроса: 1500 респондентов, 100 городских и сельских населенных пунктов в 43 субъектах РФ, в режиме face-to-face].
- О Госдуме и ее работе: Нужный ли орган – Госдума? И как оценивается ее работа? / Фонд «Общественное мнение». – 2013. – 24 декабря. – Режим доступа: <http://fom.ru/Politika/11264> (Дата посещения: 1.09.2014.)
- [Репрезентативный опрос взрослого населения России, 15.12.2013. Параметры опроса: 1500 респондентов, 100 городских и сельских населенных пунктов в 43 субъектах РФ, в режиме face-to-face].
- О работе депутатов муниципальных собраний / Фонд «Общественное мнение». – 2012. – 23 июля. – Режим доступа: <http://fom.ru/Politika/10555> (Дата посещения: 1.09.2014.) [репрезентативный опрос взрослого населения России, 15.07.2013 г. Параметры опроса: 1500 респондентов, 100 городских и сельских населенных пунктов в 43 субъектах РФ, в режиме face-to-face].

- О системе выборов в Госдуму: Зачем нужны партии? И какой должна быть система их выбора? / Фонд «Общественное мнение». – 2013. – 9 апреля. – Режим доступа: <http://fom.ru/Politika/10884> (Дата посещения: 1.09.2014.)
- [Репрезентативный опрос взрослого населения России, 10.03.2013. Параметры опроса: 1500 респондентов, 100 городских и сельских населенных пунктов в 43 субъектах РФ, в режиме face-to-face].
- О системе выборов в Госдуму: Как россияне относятся к возвращению смешанной системы выборов? / Фонд «Общественное мнение». – 2012. – 28 декабря. – Режим доступа: <http://fom.ru/Politika/10755> (Дата посещения: 1.09.2014.)
- [Репрезентативный опрос взрослого населения России, 23.12.2012 г. Параметры опроса: 1500 респондентов, 100 городских и сельских населенных пунктов в 43 субъектах РФ, в режиме face-to-face].

Список литературы

- Граждане и политические практики в современной России: воспроизводство и трансформация институционального порядка / Редколл.: С.В. Патрушев (отв. ред.), С.Г. Айвазова, П.В. Панов. – М.: Российская ассоциация политической науки (РАПН): Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. – 325 с.
- Гражданское и политическое в российских общественных практиках / Под ред. С.В. Патрушева. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013. – 525 с.
- Кертман Г.Л.* Статус партии в российской политической культуре // Полис. Политические исследования. – М., 2007. – № 1. – С. 120–131.
- Любарев А.* Активность избирателей на федеральных, региональных и муниципальных выборах в Российской Федерации // *НВ: проблемы общества и политики.* – М., 2013. – № 8. – Режим доступа: http://e-notabene.ru/pr/article_8778.html (Дата посещения: 1.09.2014.)
- Ezrow L.* Linking citizens and parties: How electoral systems matter for political representation. – N.Y.: Oxford univ. press, 2010. – 216 p.